НАЧАЛО СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ

РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ,

читанная 15 апрѣля 1885 года приватъ-доцентомъ Императорскаго Университета Св. Владиміра

С. Голубевымъ.

КІЕВЪ.
Въ типографіи Императорскаго Университета Св. Владиміра.
1885.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1885 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Мм. Гг.!

Удостоенный высокой чести быть преподавателемъ въ Университетѣ св. Владиміра по каѳедрѣ исторіи церкви, я рѣшаюсь открыть свои чтенія съ общаго курса *русской церковной исторіи.* Такой выборъ курса обусловливается не столько особеннымъ значеніемъ, какое естественно принадлежитъ исторіи церкви отечественной, сколько соображеніями чисто практическими. Мнѣ извѣстно, что мой уважаемый предшественникъ по каѳедрѣ, покойный Ф. А. Терновскій, въ послѣдніе годы своей преподавательской дѣятельности знакомилъ своихъ слушателей то съ первыми тремя вѣками христіанства, то съ состояніемъ греко-восточной церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, то съ исторіею папства и религіозными движеніями на западѣ: такимъ образомъ исторія нашей отечественной церкви за послѣднее время въ Университетѣ не читалась и мнѣ представляется естественнымъ начать свои чтенія съ этого важнаго и наиболѣе близкаго къ намъ отдѣла по предмету каѳедры.

Приступая къ изложенію историческаго курса, весьма умѣстно оглянуться назадъ и хотя кратко обозрѣть, что сдѣлано въ области читаемаго предмета предшествующими изслѣдователями. Въ своихъ первыхъ лекціяхъ я намѣренъ предложить вашему вниманію обозрѣніе такихъ ученыхъ трудовъ по русской церковной исторіи, которые посвящены ея систематической обработкѣ и, вслѣдствіе этого, болѣе наглядно могутъ представлять ростъ нашей церковной историографіи.

Извѣстно, что научная разработка русской исторіи, какъ гражданской такъ и церковной, началась только съ XVIII столѣтія. Наши предки долгое время довольствовались преимущественно лѣтописнымъ повѣствованіемъ о минувшихъ судьбахъ своего отечества и разнаго рода сказаніями объ особенно выдающихся событіяхъ и лицахъ; научной же исторіи или научно обработанныхъ монографій не писали, потому что мы, русскіе,—какъ выражается проф. Голубинскій—въ нашемъ прошломъ представляли изъ себя историческій народъ весьма не высокаго достоинства, т. е., сказать проще, были мало образованы. Просвѣщеніе первѣе всего проникаетъ (еще съ конца XVI стол.) въ юго-западную Русь, но—къ сожалѣнію—для научной разработки исторіи оказывается мало полезнымъ: вызванное исключительно пропагандою иновѣрія, оно служитъ здѣсь главнымъ образомъ цѣлямъ религіозно-полемическимъ. Результатомъ этого является цѣлый рядъ сочиненій, гдѣ обстоятельно и нерѣдко весьма научно трактуется о догматахъ вѣры, а также обсуждаются жгучіе современные вопросы; но исторія или вовсе отсутствуетъ или же—что еще хуже—фигурируетъ въ качествѣ полемическаго аргумента, въ большинствѣ случаевъ не безъ ущерба для истины прилаживаемаго сообразно съ желаніями полемистовъ. Неудивительно поэтому, что южно-русская литература конца XVI и XVII стол. богатая богословскими трактатами, вполнѣ научно обработанными, не представляетъ такихъ же сочиненій по исторіи. Единственное, изданное на югѣ Россіи въ XVII стол. историческое сочиненіе о русскомъ народѣ—*Синопсисъ* Иннокентія Гизеля—изобилуетъ лѣтописными баснями и не имѣетъ никакихъ научныхъ достоинствъ.—На сѣверѣ Россіи основанія для научнаго знанія, какъ извѣстно, положены были Петромъ Великимъ, который обратилъ вниманіе и на русскую исторію. Но и здѣсь на первыхъ порахъ церковная исторія не имѣла самостоятельнаго значенія въ смыслѣ научномъ,—и здѣсь долгое время духовная литература, изобилуя трудами догматическими, полемическими, проповѣдническими, была бѣдна сочиненіями историческими, да и то при составленіи послѣднихъ ставились на первомъ планѣ не столько научные, сколько практическіе интересы. Приниженное положеніе русской церковной исторіи видно уже изъ того, что она даже не преподавалась въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Поэтому за все XVIII стол. не много можно указать сочиненій, которыя-бы составляли нѣкоторый вкладъ въ нашу церковно-историче-

скую литературу. Кажется, достаточно ограничиться въ данномъ случаѣ указаніями на труды (и то не всегда своевременно изданные) *Никодима Селлія* (О писателяхъ политической и церковной Россіи, 5 книгъ о Россійской іерархіи, Словарь чудотворныхъ иконъ), *Дамаскина Руднева* (О книгахъ изданныхъ въ Россіи съ начала здѣсь книгопечатанія), *Платона Любарскаго* (Описаніе нѣкоторыхъ епархій), *Георгія Конисскаго* (труды по исторіи Уніи въ Зап. Россіи), *Самуила Мислављскаго* (Описаніе Кіево-печерской лавры) и еще нѣкоторыхъ немногихъ лицъ, помѣщавшихъ матеріалы и небольшія изслѣдованія относительно тѣхъ или другихъ сторонъ церковно-исторической жизни нашего отечества въ повременныхъ изданіяхъ, напр., *Любопытномъ мѣсяцесловѣ*, *Старинѣ и Новизнѣ* Рубана и Миллера, *Вивліовикѣ* Новикова, и друг.—Сравнительно бо́льшее вліяніе на развитіе русской церковно-исторической науки оказали исторіографы XVIII в., спеціально занимавшіеся разработкою гражданской исторіи Россіи, преимущественно же Татищевъ, Щербатовъ и Болтинъ. Описывая событія политическія, поименованные изслѣдователи нерѣдко касались въ своихъ трудахъ и событій церковныхъ, хотя въ большинствѣ случаевъ разсматривали ихъ тенденціозно, съ предвзятыми идеями. Послѣднее обстоятельство обусловливалось тѣмъ направленіемъ, какое въ XVIII стол. господствовало въ нашей исторіографіи, находившейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ перешедшихъ къ намъ съ запада отрицательныхъ идей тоговременной философіи. Слѣды этого вліянія въ бо́льшей или меньшей степени замѣтны у всѣхъ поименованныхъ историковъ, почти всегда обсуждавшихъ историческіе факты съ точки зрѣнія современной нравственности, политики, и т. п., но—какъ и естественно ожидать—слѣды эти наиболѣе замѣтны въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось вопросовъ церковно-историческихъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Философія XVIII стол. сильно нападала на духовенство, считая его носителемъ обскурантизма, корыстолюбія и обмановъ. Такъ смотрятъ на духовное сословіе и наши исторіографы XVIII стол., причемъ переносятъ свои возрѣнія и на времена прошедшія. Татищевъ насадителемъ просвѣщенія въ Россіи считаетъ исключительно правительство и рядомъ съ этою просвѣтительною дѣятельностію ведетъ рѣчь о совершенно противоположной дѣятельности русскаго духовенства. Мысль эта проходитъ чрезъ всю его исторію. Въ духовенствѣ онъ видитъ одни только пороки. Духов-

ные угасили науки и утопили народъ въ суевѣріи, и все это для того, чтобы усилить свою власть, пользоваться невѣжествомъ народа. Подобнымъ образомъ смотритъ на духовенство и Болтинъ. Значеніе іерархіи онъ объясняетъ съ одной стороны невѣжествомъ народа, а съ другой обманомъ самаго духовенства, въ которомъ видитъ злую силу исторіи, корень народнаго суевѣрія и умственнаго застоя.—Философія XVIII в. признавала значеніе религіи только во имя политическихъ цѣлей. Такой же взглядъ просвѣчиваетъ и у нашихъ историковъ. Даже религіозный Щербатовъ, человѣкъ сравнительно консервативнаго образа мыслей, цѣнитъ набожность нашихъ предковъ по ея значенію на политическій ростъ русскаго государства. Татищевъ никакъ не можетъ понять религіознаго характера русской жизни; Болтинъ осмѣиваетъ его. Нечего и говорить, что подъ вліяніемъ идей современной философіи наши историки XVIII в. къ тѣмъ сверхъестественнымъ явленіямъ, которыми изобилуютъ наши лѣтописи, относились отрицательно. Татищевъ въ своей исторіи или вовсе опускаетъ сказанія о подобныхъ явленіяхъ или старается представить чудесное событіе естественнымъ. Болтинъ заявляетъ, что историкъ, говорящій о чудесныхъ явленіяхъ, теряетъ всякое довѣріе. Даже набожный, какъ мы сказали, Щербатовъ по поводу лѣтописныхъ чудесъ замѣчаетъ, что „въ нынѣшнія просвѣщенныя времена, когда всѣ чудеса измѣряютъ мѣриломъ здраваго разсудка и истиннаго любомудрія, имъ никто не повѣритъ“.—Къ концу XVIII стол. въ нашей исторіографіи усиливается такъ называемое риторическое направленіе, въ трудахъ своего главнаго представителя Елагина достигающее карикатурныхъ размѣровъ. До какой степени искажались при этомъ церковно-историческія событія можно видѣть изъ того, что извѣстное лѣтописное повѣствованіе о присылкѣ ко Владиміруословъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ принять вѣру объяснялось въ томъ смыслѣ, что это есть ничто иное, какъ театральное представленіе, въ нѣсколькихъ дѣйствіяхъ, устроенное женою великаго князя, греческою царевною Анною.

Но какъ ни крайни были выводы нашей исторіографіи XVIII в., они имѣли громадное вліяніе на развитіе русской исторической науки, а въ частности и церковно-исторической. Важно уже было то, что ими было подорвано *слѣпое* довѣріе къ источникамъ и положено основаніе для критическаго отношенія къ фактамъ и извѣстіямъ.

Систематическая обработка русской церковной исторіи началась только съ текущаго столѣтія. Первымъ таковымъ опытомъ была изданная въ 1805 г. (въ двухъ частяхъ) *Краткая церковная россійская исторія, сочиненная преосвященнымъ* Платономъ, *митрополитомъ московскимъ*. Этотъ трудъ высокоталантливаго іерарха не былъ сочувственно встрѣченъ современниками и на первыхъ порахъ не нашелъ справедливой оцѣнки. Другой не менѣе талантливый іерархъ, преосвященный Евгеній, въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей (отъ 8 апрѣля 1806 г.) дѣлаетъ такой суровый приговоръ объ исторіи Платона: „О нововышедшей нашей церковной исторіи скажу вамъ: 1) это отнюдь не исторія, а лѣтопись, въ коей на лыко лѣтосчисленія безъ порядка нанизаны бытія, какъ будто вмѣстѣ и калачи и сайки и бублики. Исторія должна быть въ системѣ.....2) Много находится (въ сей исторіи) парадоксовъ, которыхъ и доказать нельзя: напримѣръ, что будто у языческихъ славянъ не было жрецовъ... 3) Много также тутъ съ одной стороны хвастливаго ханжества, а съ другой натужнаго безпристрастія“. По всѣмъ этимъ причинамъ, особенно же по первой, преосвященный Евгеній считалъ исторію митрополита Платона сбивчивою лѣтописью, которая не годится для преподаванія въ классахъ и малополезна для будущаго составителя церковной исторіи, такъ какъ въ ней нѣтъ прямыхъ ссылокъ на источники. Вообще, по словамъ преосвященнаго Евгенія, „сіе твореніе Платона не дѣлаетъ чести автору.“ Въ концѣ письма строгій критикъ проситъ своего пріятеля, чтобы его мнѣніе осталось *подъ завѣсою скромности*: „ибо совѣстно и грѣшно явно отнимать славу у почтеннаго старца. Будемъ думать для себя, а не для другихъ, которые можетъ быть еще лучше насъ оцѣнятъ сіе произведеніе.“ (Евген. сбор.)

Дѣйствительно исторія Платона заслуживала лучшей оцѣнки, но далеко не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ это выраженіе преосвященный Евгеній. И послѣдующими историками такая, хотя и весьма краткая оцѣнка сдѣлана. Нашъ извѣстный историографъ С. М. Соловьевъ, говоря о церковной исторіи Платона, выражается, что она *запечатлѣна печатію могущаго, юнаго таланта и съ честію* начинаетъ въ нашей исторической литературѣ XIX вѣкъ. По отзыву другаго извѣстнаго нашего ученаго М. О. Кояловича, разсматриваемая исторія „представляетъ осмысленное изложеніе фактовъ русской церковной жизни и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже поражаетъ глуби-

ною пониманія фактовъ".—Ознакомленіе съ церковною исторіею Платона вполнѣ можетъ подтвердить справедливость приведенныхъ отзывовъ.

Мы видѣли, что наслѣдіе, полученное митрополитомъ Платономъ отъ своихъ предшественниковъ, было не велико: не только не имѣлось систематическаго изложенія исторіи русской церкви, но даже и по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся разныхъ сторонъ церковно-исторической жизни нашего отечества, сдѣлано было немногое. Притомъ и изъ сдѣланнаго многое слѣдовало вновь передѣлывать; „ибо—выражаемся словами самого Платона—нѣкоторые о дѣлахъ церковныхъ повѣтствованія издавали невѣрно и съ подлинниками древними несходственно, и по новому образу мыслей" (предис. II).—Митрополиту Платону для своей исторіи приходилось обратиться къ лѣтописямъ и вообще первоисточникамъ, что онъ и сдѣлалъ, не упуская при этомъ изъ вида и вышедшія до него историческія сочиненія.

Краткая церковная россійская исторія, сочиненная преосвященнымъ Платономъ, обнимаетъ время отъ водворенія у насъ христіанства до 1700 г., оканчиваясь смертію послѣдняго всероссійскаго патріарха Адріана и характеристикою всѣхъ вообще бывшихъ у насъ патріарховъ. Повѣтствованіе ведется хронологически и строгой системы въ распредѣленіи матеріала не замѣчается; но никакъ нельзя сказать, вмѣстѣ съ преосвященныхъ Евгеніемъ, чтобы факты историкомъ нанизывались, подобно калачамъ и сайкамъ, безъ всякаго порядка. Повѣствованіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближающееся къ лѣтописному, отличается отъ послѣдняго, какъ уже замѣчено, осмысленностію при изложеніи. Преимущественное вниманіе обращено на внѣшнія событія церковно-исторической жизни русскаго народа, но иногда затрогивается и внутренная сторона этой жизни: въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ касается религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества, его добродѣтелей и недостатковъ, и т. п. Особенное желаніе замѣтно у автора уяснить значеніе у насъ высшей іерархіи и показать, что это значеніе было не малое, напр., при митрополитѣ Филиппѣ, въ смутныя времена, при патріархѣ Никонѣ, и др.

Но что составляютъ особенное достоинство Платоновой исторіи, что преимущественно украшаетъ ее и возвышаетъ надъ тоговременными историческими сочиненіями,—это правильный взглядъ автора

на призваніе историка, соединенный съ здравою, свидѣтельствующею о выдающемся талантѣ, критикою.

Митрополитъ Платонъ *первымъ любезнымъ и привлекательнымъ исторіи свойствомъ* признаетъ *истину и безпристрастіе*,—и что это заявленіе не было въ его устахъ пустою фразою, доказываетъ всею своею книгою. У автора есть излюбленные предметы: такъ, напр., онъ „не можетъ себя выдержать", чтобы—вопреки мнѣніямъ современныхъ мыслителей—не дать „похвальнаго и справедливаго свидѣтельства россійскому духовенству;" поэтому въ своей исторіи онъ старательно отмѣчаетъ факты, могущіе подтвердить означенное свидѣтельство. Но симпатіи автора не заслоняютъ передъ нимъ и обратной стороны дѣла и онъ отнюдь не скрываетъ этой стороны. Такъ, напр., указывая на благотворное вліяніе монастырей въ первое время христіанства на Руси, Платонъ отмѣчаетъ и тотъ фактъ, „что съ постепеннымъ увеличеніемъ монастырскихъ имуществъ, хотя наружность (обителей) стала виднѣе и благолѣпнѣе, но внутренняя красота умалилась. Ибо готовый во всемъ достатокъ, а индѣ и изобиліе, уменьшили трудъ и ввели праздность; а отъ того разслабленіе душевное и тѣлесное. А притомъ многозаботливое о правленіи селъ и деревень попеченіе, и умножившееся хозяйство, упражненію во благочестіи, на которое они единственно себя посвятили, великое причиняло препятствіе и болѣе къ міру, коего отреклись, привязывало". (I. 62). Указывая на доблестныхъ лицъ изъ среды духовенства, Платонъ не забываетъ упоминать и о порочныхъ лицахъ изъ этой же среды: „былъ же сей Ѳеодоръ (епископъ Ростовскій)"—читаемъ у нашего историка—„предерзкій, безстыдный, несытый сребролюбіемъ, яко адъ, безчеловѣчный, безбожный; тѣломъ зѣло крѣпкій, языкомъ велерѣчивый, мудрованіемъ злохитрый, такъ что нѣкоторые справедливо о немъ говорили, яко отъ діавола есть". (I, 101).

Истина и безпристрастіе, въ соединеніи съ выдающимся историческимъ талантомъ, привели автора „Россійской церковной исторіи" къ цѣлому ряду небольшихъ научныхъ изслѣдованій и мѣткихъ замѣчаній, съ которыми, пожалуй, не всегда можно соглашаться, но которымъ во всякомъ случаѣ нельзя отказать, если можно такъ выразится, въ историческомъ чутьѣ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ изслѣдованій и замѣчаній.

Въ первой главѣ, посвященной краткому повѣствованію „о тьмѣ идолопоклонства“, бывшей на Руси предъ принятіемъ здѣсь крещенія, митрополитъ Платонъ высказываетъ предположеніе, что у насъ въ язычествѣ не было ни жрецовъ, ни храмовъ, и подтверждаетъ это предположеніе цѣлымъ рядомъ блестящихъ историческихъ соображеній, доселѣ въ наукѣ не утратившихъ своего значенія (I, 7—11).—Въ началѣ второй главы, разсказавши объ извѣстномъ, занесенномъ въ лѣтопись преданіи о посѣщеніи Кіева Андреемъ Первозваннымъ и водруженіи имъ на здѣшнихъ горахъ креста,—нашъ авторъ замѣчаетъ, что повѣсть Несторова требуетъ особеннаго изслѣдованія, причемъ намѣчаетъ и самые пункты этого изслѣдованія: а) Несторъ не указываетъ источника, откуда имъ взята означенная повѣсть; б) еще вопросъ, было-ли въ апостольскія времена обыкновеніе ставить кресты на открытыхъ мѣстахъ; в) въ греческихъ лѣтописяхъ не находится извѣстія о путешествіи Андрея по территоріи нынѣшней Россіи, и т. п.—Говоря о крещеніи Владиміра, митрополитъ Платонъ опровергаетъ указанное нами „странное повѣствованіе“ Елагина, якобы присылка къ великому князю пословъ съ предложеніями принять ихъ вѣру было ничто иное, какъ театральное представленіе; но однако и самъ не признаетъ лѣтописнаго разсказа исторически достовѣрнымъ во всѣхъ его частяхъ. Упомянувши о стараніяхъ каждаго изъ посольствъ (магометанъ, евреевъ и папистовъ) склонить великаго князя къ своей именно вѣрѣ,—Платонъ замѣчаетъ: „но ни на которую изъ сихъ вѣръ Владиміръ не согласился, опровергая каждую изъ нихъ *безъ сумнѣнія лучшими резонами, нежели какія лѣтописцы во уста ему влагаютъ*“. (I. 22).—Лѣтописное повѣствованіе о томъ, какъ Владиміръ передъ крещеніемъ „разболѣлся очами и не видяше ничтоже“, и какъ послѣ крещенія „абіе прозрѣ“,—понимается нашимъ историкомъ въ томъ смыслѣ, что по выходѣ великаго князя изъ купели *„внезапу изчесло душевныхъ его очей ослѣпленіе“*. (I, 27).—Замѣчательно, что тотъ путь, который, по лѣтописному повѣствованію, избранъ былъ Владиміромъ для крещенія—военный походъ, предпринятый имъ на Корсунь какъ-бы съ цѣлью завоеванія вѣры—осуждается Платономъ, какъ путь не согласный съ духомъ Евангельскаго ученія,—и нашъ историкъ удивляется, почему Владиміръ, имѣвшій передъ глазами примѣръ своей бабки Ольги, не послѣдовалъ ему, или почему не захотѣлъ мирнымъ образомъ, „безъ угроженій и военныхъ браней“,

обратиться къ грекамъ съ просьбою о присылкѣ епископовъ и священниковъ для крещенія. Особенно подчеркиваемъ это мѣсто въ исторіи Платона съ одной стороны потому, что оно служитъ какъ бы широкимъ преддверіемъ для того взгляда на лѣтописную повѣсть о крещеніи Руси, до котораго додумалась наша серьезная церковно-историческая критика только въ самое послѣднее время,—а съ другой стороны, въ виду тѣхъ несправедливыхъ нападокъ, которымъ подвергалась эта критика, отрицаніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ крещеніе Владиміра по лѣтописному повѣствованію, якобы снимавшая съ великаго князя тотъ вѣнецъ славы, которымъ онъ украшается, и якобы низводившая его съ того высокаго пьедестала, на которомъ онъ стоитъ... Указывая на постоянныя междоусобицы удѣльныхъ князей въ домонгольскій періодъ, митрополитъ Платонъ дѣлаетъ отсюда, между прочимъ, тотъ выводъ, что христіанство принято было у насъ болѣе внѣшнимъ образомъ и наши предки долгое время не были просвѣщены истиннымъ духомъ Евангелія. „У многихъ вѣра состояла только въ одной наружности, въ однихъ внѣшнихъ обрядахъ; перемѣненъ внѣшній видъ, но не перемѣнилася душа. И для того многія ими строены были церкви, монастыри, богатые даваны были вклады, и въ монашество постригалися: но въ самое тоже время отъ междоусобій ихъ кровь невинная лилась потоками. Не угоднѣе ли Богу пощадить одну невинную душу, нежели нѣсколько построить церквей? Многія причиненныя разоренія и убійства могла-ли прикрыть монашеская ряса?“ (I, 126—127).— Недостатокъ истиннаго религіознаго просвѣщенія у нашихъ предковъ митрополитъ Платонъ видитъ отчасти уже въ томъ, что „не удостоилась Россія сей великой благодати, дабы въ ней насаждена была вѣра Христова непосредственно божественными руками Апостольскими: сіе было бы основаніе святое и сѣмя ученія Евангельскаго непорочное и плодоносное“. Вѣра христіанская достигла насъ уже въ концѣ десятаго вѣка, т. е. тысячу лѣтъ спустя послѣ пришествія Спасителева и проповѣди апостольской. „И хотя сія вѣра, отъ востока и отъ Греческой Константинопольской церкви намъ сообщенная, была вѣра православная, Евангельскому и Апостольскому ученію по существу своему сообразная; но чрезъ теченіе столь многихъ лѣтъ, послѣ многихъ и разныхъ въ церкви бывшихъ раздоровъ, уже не столь была близка къ той простотѣ и чистотѣ, каковою благословлена была первенствующая

церковь Апостольская*)“ (I, 15). Во вторыхъ, преобладаніе внешне-обрядоваго направленія у нашихъ предковъ объясняется тѣмъ общимъ положеніемъ, что крестить народъ, какъ это „сдѣлать по ревности поспѣшилъ Владиміръ“, „гораздо легче, нежели чтобы правилами Евангелія просвѣтить каждаго мысль, насадить въ сердцѣ плодоносную вѣру, и открыть ему, или паче вселить въ него духъ Христовъ“. (I, 127). Разумѣется, вслѣдъ за крещеніемъ Руси духовенство обязано было просвѣщать евангельскимъ ученіемъ новонасажденныхъ христіанъ, но едва-ли оно исполняло свой долгъ съ надлежащею ревностію. Что касается до русскаго духовенства, то оно само нуждалось въ подобномъ просвѣщеніи. Греческое же духовенство, хотя было просвѣщеннѣе, „но можетъ быть болѣе искало своей корысти и выгодъ мірскихъ, нежели чтобъ упражнялось въ семъ многотрудномъ званіи; а не безъ того, чтобъ и своего рода честолюбіемъ не были заражены, какъ и мірскіе“. (I, 127). Впрочемъ, рисуя такими мрачными чертами религіозно-нравственное состояніе древне-русскаго общества въ періодъ междоусобныхъ браней,—Платонъ дѣлаетъ слѣдующее, вполнѣ справедливое дополненіе: „что сказано о мірскихъ и духовныхъ, сказано не такъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не были избранные рабы Божіи, которые, живя въ простотѣ и чистотѣ сердца, служили Богу духомъ и истиною, общее несчастіе оплакивали, бѣдствующимъ возможную подавали руку помощи, и молились со слезами милосердому Отцу тварей о мирѣ всего міра. Ибо сіе есть драгоцѣнное Евангельскія вѣры свойство, что вѣру нашу, любовь къ Богу и ближнему, и служеніе ему духомъ и истиною, никакіе войны, никакіе непріятели, никакія несчастія и разоренія затруднить и удержать не могутъ“. (I, 130).

Замѣчательны сужденія митрополита Платона и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ въ области церковно-исторической, напр. относительно причинъ раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи (I, 277—279); объ историческомъ значеніи степенныхъ книгъ (II, 53); о религіозномъ характерѣ Іоанна Грознаго (II, 87); объ учрежденіи

*) Преосвященный Платонъ допускаетъ неточныя выраженія: очевидно, онъ имѣетъ въ виду *не догматы вѣры*, а внѣшне-обрядовыя стороны церковно-исторической жизни.—С. Г.

патріаршества въ Россіи (II, 92 и слѣд.); о патріархѣ Никонѣ (II, 241); происхожденіи раскола, (II, 275) и мног. друг.

Изъ сужденій нашего автора, имѣющихъ отношеніе собственно къ гражданской исторіи, отмѣтимъ здѣсь въ высшей степени любопытный взглядъ его на перваго самозванца. По мнѣнію Платона, этотъ самозванецъ не былъ Гришка Отрепьевъ, „но *нѣкто подставной*, отъ нѣкоторыхъ хитрыхъ злодѣевъ выдуманный и подставленный, чужестранный или Россіянинъ, или можетъ быть и самый Гришка Отрепьевъ, Галицкаго мелкаго дворянина сынъ, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ подготовленный, расположенный и обработанный: а не тотъ, какого наши лѣтописцы выдаютъ; или и тотъ, но не такимъ образомъ все сіе дѣло происходило, какъ они описываютъ, утверждая свое описаніе только по однимъ наружнымъ и открывшимся обстоятельствамъ, а не проницая въ глубину сего злохитраго и огромнаго замысла“ (II, 167). Платонъ считаетъ перваго самозванца орудіемъ іезуитовъ и вообще польской, враждебной Россіи партіи, и высказываетъ предположеніе, что самозванецъ, не будучи истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, лично однако было убѣжденъ въ этомъ, такъ какъ ему съ юныхъ лѣтъ „вложены были мысли“ объ его царскомъ происхожденіи.—Извѣстно, что не особенно въ давнее время въ нашей исторической наукѣ поднятъ былъ вопросъ о личности перваго самозванца, причемъ высказано было мнѣніе, что самозванецъ могъ быть дѣйствительнымъ Димитріемъ. Между этимъ безспорно крайнимъ взглядомъ и обычнымъ представленіемъ о первомъ самозванцѣ, какъ Григоріѣ Отрепьевѣ, завѣдомомъ обманщикѣ,—мнѣніе митрополита Платона занимаетъ серединное положеніе и уже по этому заслуживаетъ особенное вниманіе.

Нельзя не отмѣтить еще одной черты, довольно яркою нитью проходящей чрезъ всю исторію Платона,—именно, его гуманнаго, снисходительнаго отношенія къ лицамъ религіозно-заблуждающимся, еретикамъ и раскольникамъ. Будучи самъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей православной церкви, горячо ей сочувствуя и ратуя за ея возможно бо́льшое разширеніе и процвѣтаніе,—митрополитъ Платонъ желалъ однако, чтобы своими успѣхами церковь обязана была не мечу и огню, но силѣ убѣжденія, исполненнаго Евангельской любви и кротости. „Въ 1375 году—читаемъ у нашего историка—бро-

сили въ рѣку Волховъ еретиковъ стригольниковъ, діакона Никиту, и Карпа простца и третьяго человѣка съ ними, развратниковъ Христовой вѣры. Но въ чемъ сей именно развратъ состоялъ, въ лѣтописцахъ не находится. А сіе для исторіи нужно, особливо, что за развратъ въ вѣрѣ другое наказаніе духовное Евангеліемъ предписано, *а не то, чтобы бросать въ рѣку*" (I, 194). Упомянувъ о соборѣ 1504 г., на которомъ осуждена была ересь жидовствующихъ, послѣ чего нѣкоторые изъ еретиковъ сожжены,—Платонъ замѣчаетъ: „ежели сожжены подлинно, *то сіе съ духомъ Евангельскимъ не сходственно* (I, 342, см. также I, 117).—Не одобряетъ митрополитъ Платонъ и тѣхъ крутыхъ мѣръ, которыя приняты были церковною и гражданскою властями по случаю введенія во всеобщее употребленіе новоисправленныхъ при Никонѣ богослужебныхъ книгъ,—не одобряетъ даже по чисто практическимъ соображеніямъ. „Надлежало бы—резонно говоритъ нашъ историкъ,—объяснивъ всѣ причины исправленія книгъ и представивъ предъ очи видимыя ошибки, также оговоривъ, что и въ старыхъ книгахъ ничего церкви противнаго не заключается, а только находятся нѣкоторыя отъ переписчиковъ ошибки и отъ переводчиковъ неисправности, а въ тѣхъ, кои ихъ употребляли и употребляютъ никакого заблужденія и ереси церковь не признаетъ: сіе учинивъ, надлежало было оставить на волю, по старымъ ли служить книгамъ или по новымъ. Вѣроятно, что симъ поступкомъ всѣхъ умы были бы успокоены и со временемъ помалу новоисправленныя книги взошли бы въ употребленіе, а старыя сами собою вышли бы изъ употребленія. Но какъ стали вездѣ насильно новыя вводить, а старыя обирать,—возсталъ общій ропотъ, возмущеніе, мятежъ и *расколъ*" (II, 235).

Таковъ былъ первый опытъ систематическаго изложенія русской церковной исторіи. Младенческое состояніе, въ которомъ находилась въ разсматриваемое время наша церковно-историческая наука, не могло не отразиться на немъ. Исторія Платона, представляетъ значительные пробѣлы: многія и притомъ важныя стороны церковно-исторической жизни въ ней едва затронуты, а нѣкоторыя и совершенно опущены; встрѣчаются и фактическія ошибки; самое изложеніе —какъ уже замѣчено—не отличается строгою систематичностію... Но не на внѣшнихъ качествахъ—впервые собранномъ церковно-историческомъ матеріалѣ и его группировкѣ—зиждется научное значеніе исторіи Платона: оно зиждется на осмысленномъ отношеніи къ сему

матеріалу, на той безпристрастной и талантливой критикѣ, съ образцами которой мы ознакомились. Если-бы одно только положеніе Платона (и прежде и послѣ него не разъ высказываемое историками, но далеко не всегда ими осуществляемое),—положеніе, что *„первое любезное и привлекательное исторіи свойство есть истина и безпристрастіе“*,—если бы—повторяемъ—одно только это положеніе вполнѣ оцѣненно было послѣдующими нашими изслѣдователями въ области церковно-исторической,—то и сего вполнѣ достаточно было для того, чтобы ростъ нашей церковно-исторической науки шелъ правильно, ни дѣлая регрессивныхъ движеній.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Платонъ въ своей исторіи довольно часто полемизируетъ противъ современныхъ историіографовъ, упрекая ихъ въ тендеціозности, въ составленіи своихъ повѣствованій „по новому образу мыслей“,—т. е. подъ вліяніемъ отрицательныхъ идей господствовавшей въ то время философіи. Упреки нашего историка, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ справедливы. Но никакъ нельзя сказать, чтобы и самъ Платонъ, ратовавшій противъ крайнихъ направленій своего времени, избѣжалъ вліянія послѣдняго. Новыя идеи, проникшія къ намъ съ запада, носились, такъ сказать, въ воздухѣ и почти безсознательно усвоялись всѣми образованными людьми Екатерининскаго времени. Но если философія XVIII в. и привлекала до извѣстной степени сочувствіе Платона, то отнюдь не своею отрицательною, а именно своею положительною, гуманною стороною. Жизнь и произведенія Платона служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Первая четверть настоящаго столѣтія ознаменовалась выходомъ въ свѣтъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина. Это знаменитое произведеніе, составившее эпоху въ научномъ развитіи русской гражданской исторіи, оказало неоцѣненныя услуги и для нашей церковной исторіи, нашедшей здѣсь по нѣкоторымъ вопросамъ образцовую разработку и оцѣнку. Въ это время усилилась любовь къ церковно-историческимъ изслѣдованіямъ и у нашихъ духовныхъ писателей. Особенно цѣнны въ этой области труды преосвященнаго Евгенія, собравшаго и описавшаго массу историческаго матеріала, а также составившаго нѣсколько весьма цѣнныхъ монографій по разнымъ во-

просамъ церковно-исторической жизни нашего отечества. Въ это же время вводится наконецъ преподаваніе русской церковной исторіи и въ наши духовно-учебныя заведенія въ видѣ существенной части общей церковной исторіи. Послѣднее обстоятельство, по видимому, должно было дать особенно сильный толчекъ развитію нашей церковно-исторической науки; но—къ сожалѣнію—развитіе это сильно тормозится, благодаря тому одностороннему взгляду на значеніе исторіи, котораго начинаютъ держаться въ нашихъ духовныхъ сферахъ. Въ изданныхъ коммиссіею духовныхъ училищъ правилахъ для преподаванія исторіи въ академіяхъ профессору вмѣнялось въ обязанность: „охранять ученіе исторіи *отъ усиленнаго критицизма*, произвольнаго систематизма... отъ неосмотрительнаго политическаго направленія, порождающаго въ незрѣлыхъ умахъ наклонность мечтательно судить о томъ, что не должно подчиняться ихъ сужденіямъ.... Преподаватель долженъ обращать особенное вниманіе въ исторіи на черты нравственныя, на слѣды провидѣнія Божія въ происшествіяхъ общественныхъ и приключеніяхъ частныхъ и на связь и послѣдовательность въ судьбахъ народовъ нравственнаго улучшенія и благоденствія, или, напротивъ, нравственнаго поврежденія и упадка.“—До какой степени тяжелы были цензурныя условія разсматриваемаго времени особенно для церковно-историческихъ сочиненій можно видѣть изъ того, что даже труды преосвященнаго Евгенія, писателя вполнѣ объективнаго и крайне осмотрительнаго въ своихъ сужденіяхъ, подвергались иногда порицаніямъ, а нѣкоторые даже встрѣчали задержку при разрѣшеніи ихъ къ печати. Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ правильный ростъ нашей церковно-исторической науки замедлялся,—и это всего замѣтнѣе на такихъ трудахъ по русской церковной исторіи, которые посвящены были ея систематическому изложенію и предназначались главнымъ образомъ для школьнаго преподаванія.—Первымъ таковымъ трудомъ, послѣ разсмотрѣннаго нами произведенія митрополита Платона, было *Начертаніе церковной исторіи* архимандрита Иннокентія. Такъ какъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе русской церковной исторіи соединено было съ общею церковною, то авторъ и разсматриваетъ ихъ совмѣстно. Какъ Иннокентій смотрѣлъ на русскую церковную исторію и свое призваніе, какъ ея составителя, это видно изъ его „предувѣдомленія“ ко 2-й части своего труда. „Исторія Россійской церкви“—говоритъ онъ—„есть повѣствованіе царствія

Христова въ нашемъ отечествѣ—Россіи. Слѣдовательно и предметъ сей исторіи долженъ быть царствованіе Іисуса Христа—Царя Небеснаго—въ той странѣ, гдѣ мы живемъ; въ тѣхъ мѣстахъ и храмахъ, которые мы видимъ и осязаемъ; надъ тѣми лицами, которыя суть наши прародители, наши начальники или сродники и знаемые". Указавши затѣмъ на высокое значеніе изслѣдуемаго предмета, авторъ заявляетъ, что его *Начертаніе* „сдѣлано такою рукою, которая не могла достигать до глубины духовной въ событіяхъ человѣческихъ; посему не могла показать и ихъ величія, развѣ въ частяхъ раздробленныхъ, какія сами собою представлялись ея осязанію."—Такой взглядъ на церковную исторію избавлялъ автора отъ „усиленнаго критицизма", а это обстоятельство нерѣдко дозволяло ему съ излишнею довѣрчивостью относиться къ такимъ страннымъ и невѣроятнымъ явленіямъ, какія мыслимы только въ устахъ суевѣрныхъ лѣтописцевъ. Такъ, напр., въ отдѣлахъ *Начертанія*, озаглавленныхъ: „содѣйствіе промысла" къ созиданію церкви, находятся, между прочимъ, разсказы о лѣтнемъ зноѣ, якобы воспламенявшемъ землю, объ облакахъ, падавшихъ съ неба и тысячами душившихъ людей, о трехъ-дневномъ кровавомъ дождѣ, который, упавши на человѣческое тѣло или камень, не смывался, и т. п.—Поэтому нѣкоторая доля научнаго значенія исторіи Иннокентія заключается почти исключительно въ систематическомъ (довольно для своего времени нескудномъ) сводѣ церковно-историческихъ данныхъ и указаніяхъ, откуда онѣ заимствованы. Хотя и здѣсь слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Система, принятая Иннокентіемъ въ своемъ *Начертаніи*, крайне не состоятельна: онъ, слѣдуя нѣкоторымъ нѣмецкимъ ученымъ прошлаго столѣтія, изглагаетъ историческія событія по вѣкамъ. При такомъ искуственномъ дѣленіи исторія представляется сухимъ сборникомъ именъ, чиселъ, фактовъ, механически соединенныхъ между собою, причемъ живая, органическая связь между событіями насильственно разрывается. Путаница, производимая такимъ дѣленіемъ по вѣкамъ, еще болѣе увеличивается отъ дѣленія по предметамъ. Авторъ счастливыя и несчастныя церковно-историческія событія, въ большинствѣ случаевъ тѣсно связанныхъ между собою, разсматриваетъ отдѣльно; точно также отдѣльно разсматриваются имъ церковное ученіе и ереси, хотя состояніемъ перваго обусловливается появленіе послѣднихъ. Вообще въ научномъ отношеніи *Начертаніе Церковной Исторіи* не составляло цѣннаго

пріобрѣтенія для нашей церковно-исторической науки. Тѣмъ болѣе нельзя считать такимъ пріобрѣтеніемъ вышедшей въ 30-хъ годахъ *Исторіи Россійской церкви* А. Н. Муравьева. Изложенная въ хронологическомъ порядкѣ, соотвѣтственно преемству русскихъ первосвятителей, она занимается преимущественно только описаніемъ дѣятельности всероссійскихъ митрополитовъ и патріарховъ; написанная въ риторически-панегирическомъ духѣ, она болѣе чѣмъ всякая другая изъ нашихъ церковныхъ исторій погрѣшаетъ противъ указаннаго митрополитомъ Платономъ любезнаго свойства исторіи: погрѣшаетъ противъ истины и безпристрастія.

Прочныя основанія для научной систематической обработки русской церковной исторіи положены только въ концѣ 50-хъ годовъ съ появленіемъ въ свѣтъ (1848 г.) капитальнаго труда по сему предмету преосвященнаго Филарета, (впослѣдствіи) архіепископа Черниговскаго. Къ указанному времени по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ, касающимся разныхъ сторонъ церковно-исторической жизни нашего отечества, накопилось уже довольно значительное количество сочиненій и статей, изъ коихъ нѣкоторыя, особенно помѣщавшіяся въ нашихъ академическихъ изданіяхъ, представляли несомнѣнныя научныя достоинства. Но преимущественно наша историческая, а въ частности церковно-историческая наука обогатилась за разсматриваемое время массою источниковъ первой рукой, представлявшихъ обильный матеріалъ для научныхъ изысканій.—Какъ воспользовался преосвященный Филаретъ этимъ накопившимся матеріаломъ при систематической обработкѣ русской церковной исторіи и насколько пріумножилъ его,—а также каково было дальнѣйшее поступательное движеніе нашей отечественной церковной исторіографіи, украсившейся капитальными трудами преосвященнаго Макарія, П. В. Знаменскаго и Е. Е. Голубинскаго,—это составитъ содержаніе слѣдующихъ нашихъ лекцій.